ЮНЫЕ БОЙЦЫ РЕВОЛЮЦИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА"

ЮНЫЕ БОЙЦЫ РЕВОЛЮЦИИ

Рассказы

МОСКВА

„ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА"

1983

Р2
Ю57

В книгу вошли рассказы М. Большинцова «Мальчик с Нарвской заставы» и П. Павленко «Мальчик с Остоженки». Герой первого рассказа — подросток, который в ночь на 25 октября 1917 года был свидетелем штурма Зимнего дворца. Во втором рассказе повествуется о первых днях революционных боёв в Москве и о том, как маленький мальчик — ученик сапожника — принимал в них участие.

Рисунки Н. Кочергина

Ю57 Юные бойцы революции: Рассказы/Рис. Н. Кочергина.— Переизд.— М.: Дет. лит., 1983.— 32с., ил.— (Маленькая историческая б-ка).

5 к.

В книгу вошли рассказы М. Большинцова «Мальчик с Нарвской заставы» и П. Павленко «Мальчик с Остоженки» о подростках, участниках революции 1917 года.

Ю $\frac{4803010102—304}{М101(03)83}$ 381—83 Р2

М. Большинцов

МАЛЬЧИК С НАРВСКОЙ ЗАСТАВЫ

1

Зовут меня, ребята, Дмитрием Михайловичем. Я инженер-строитель. Строю дома. И очень возможно, что кто-нибудь из вас даже живёт в одном из выстроенных мною домов.

Но в тот октябрьский день 1917 года, о котором я вам хочу рассказать, мне и в голову не могло прийти, что я, мальчик с Нарвской заставы, сын простого рабочего, сделаюсь когда-нибудь инженером.

Мне было тогда только восемь лет, звали меня все просто Митькой. С самого утра я носился по улицам нашего района с дружной и шумной ватагой мальчуганов.

Мы больше всего боялись опоздать, пропустить что-нибудь интересное. А интересное происходило

решительно всюду: на пустыре рабочие-красногвардейцы учились стрелять из винтовок и наганов; у самой Нарвской заставы стоял патруль с пулемётом и горел костёр, возле которого грелись часовые и пекли в золе картошку; на нашей улице... да что на нашей — почти на каждой улице что-нибудь происходило.

Но так как самое важное и интересное началось вечером на заводе, я расскажу об этом по порядку, с самого начала.

Мы примчались туда вскоре после того, как протяжный заводской гудок возвестил конец дневной смены и начало вечерней. И самое удивительное заключалось в том, что, несмотря на гудок, никто из рабочих, окончивших дневную смену, не уходил домой и никто из пришедших на вечернюю не шёл в цеха работать.

Огромный заводской двор был так переполнен рабочими, что многим пришлось стоять на улице. Все чего-то ждали.

И мы, конечно, тоже стали ждать.

2

Порывистый, холодный ветер донёс издалека невнятный грохот.

— Ребята, слышите? — крикнул кто-то из мальчиков.— Уже стреляют!..

Но нам хотелось не только слышать — нам обязательно хотелось всё видеть. И вот самые ловкие

и отчаянные, обдирая ладони и коленки, стали карабкаться по высокому фонарному столбу и, добравшись до верхней его перекладины, усаживались на ней рядком, как воробьи на проводе.

Я, конечно, тоже оказался на перекладине. Отсюда был виден весь район, до самой заставы. Никто нигде не стрелял. Я увидел вдали лишь облако сизого дыма. Оно с отчаянной быстротой катилось по дороге, то исчезая за домами, то снова появляясь. И только когда оно круто свернуло на перекрёсток и понеслось прямо на нас, мы увидели, что это был мотоцикл.

Впереди, припав к рулю, сидел моторист в кожаном шлеме, а позади него, на багажнике,— матрос... Ленточки его бескозырки развевались по ветру, он сидел подбоченясь, ни за что не держась, и казалось, на первом крутом повороте он обязательно должен слететь. Но матрос сидел как вкопанный. Пулемётные ленты перекрещивались у него на груди, гранаты торчали за поясом, а за спиной, на ремне, была винтовка. Он на ходу, точнёхонько возле самых ворот, соскочил с мотоцикла и обратился к окружившим его рабочим.

До нас донеслись слова:

— Пора выступать, товарищи! Я из Смольного.

Он был из Смольного! Сейчас трудно передать, чем был тогда Смольный для рабочих Петрограда. В октябре 1917 года в здании бывшего Смольного института находился штаб революции, большевики, Ленин...

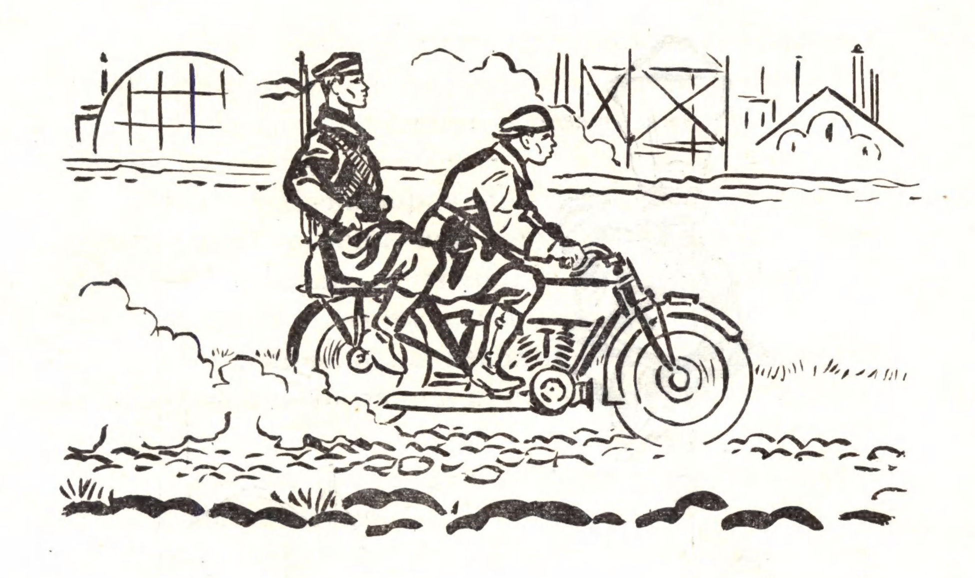
С появлением матроса всё пришло в движение. Рабочие начали строиться по отрядам, откуда-то появились винтовки, заблестели штыки, заалели знамёна.

Когда рабочие построились, то оказалось, что очень многим не хватает винтовок. Матрос и командиры отрядов озабоченно совещались, расспрашивая о чём-то рабочих. Но по всему было видно, что никто не мог дать нужный ответ матросу.

В это время один из командиров случайно поднял голову вверх и увидел нас, мальчиков, сидящих на перекладине фонаря. Он схватил за руку матроса и показал на нас.

«Вот сейчас нас и погонят»,—подумал я.

— Эй, мальчуганы,— крикнул нам матрос,—

кто из вас знает, где можно сейчас найти жену слесаря Михаила Воронова?

Многие из наших ребят знали, где можно найти жену слесаря Михаила Воронова. Но все молчали и поглядывали на меня, потому что жена Михаила Воронова — это моя мама. И мой отец, Михаил Воронов, уже третий месяц сидел в тюрьме. Его туда посадили буржуи, потому что мой отец был большевиком.

3

Я привёл матроса и двух рабочих в пекарню. Моя мама там работала ночами и очень уставала, но работать в пекарне было выгодно, потому что хозяин два раза в неделю давал по буханке хлеба.

«Вот сейчас нас и погонят»,— подумал я.

Я вызвал маму. Хозяин пекарни высунулся из окна, зло поглядел на матроса и на вооружённых рабочих, но ничего не сказал. Как видно, побоялся.

— Мария Никифоровна,— начал матрос (он по дороге узнал у меня, как зовут мою маму),— Мария Никифоровна, не говорил ли ваш муж перед арестом, куда он спрятал винтовки?

Мать поглядела на взволнованные лица ожидающих её ответа людей и, словно виноватая, промолвила:

— Не знаю, товарищи... Когда его арестовали, меня дома не было. Знаю только, что прятал он винтовки с какими-то солдатами. Вам бы этих солдат найти...

— Где их найдёшь, этих солдат! — Матрос переглянулся с рабочими и огорчённо вздохнул: — Ничего не поделаешь... Видно, не найти нам человека, который знает, где винтовки спрятаны!

Но такой человек нашёлся. Этот человек был я.

4

В ту самую ночь, когда мой отец вместе с солдатами закапывал ящики с винтовками, я тоже находился на пустыре. Я сидел, притаясь, в старом, полуразрушенном сарае и видел всё. И слышал тоже всё.

Я попал ночью на пустырь из-за своего зуба.

В те времена многие из рабочих ребят были не-

грамотными и верили в разную чепуху. Какая-то вздорная старуха сболтнула нам, мальчишкам, что если в полночь тайно от всех закопать в землю в пустынном месте свой выпавший или выбитый зуб, то все остальные зубы вырастут такими крепкими и острыми, что ими можно будет перекусывать даже гвозди.

И так случилось, что у меня в это время оказался как раз такой зуб. Его можно было считать одновременно и выпавшим и выбитым. Он у меня сильно шатался, и, когда во время игры один из приятелей нечаянно двинул меня локтем по подбородку, зуб вылетел... Я решил, что никак нельзя пропустить такой случай — вырастить зубы, которыми можно будет перекусывать гвозди.

И в одну из ночей, в тот самый час, когда мать уже ушла на работу, а отец ещё не возвратился с работы, я отправился на пустырь закапывать свой зуб.

Место я заметил заранее — возле старого сарая. Я выкопал ножом ямку, уложил в неё зуб, засыпал землёй и проговорил три раза: «Растите, зубы, здоровыми и острыми» — и в этот момент услышал голоса, скрип телеги...

Я немедленно юркнул в сарай и замер, стараясь дышать пореже.

Прямо к сараю подъехала телега. Люди разговаривали тихо, но я услыхал голос отца. Тут я испугался ещё больше. Я знал, что мне сильно попадёт, если он увидит, что я ночью торчу на пустыре из-за какого-то зуба.

— Вам бы этих солдат найти...

Они работали долго. Взошла луна, и я сквозь щель в стене разглядел солдат, вырытые глубокие ямы и ящики, которые они зарывали в землю. В ящиках были винтовки. Когда они кончили работать, отец сказал:

— Спасибо вам, товарищи солдаты, за помощь рабочему классу. Близок тот час, когда мы возьмём эти винтовки в руки и пойдём вместе с вами свергать власть капиталистов и помещиков.

На следующее утро отца арестовали.

Я не знал, что мне делать с моей тайной, она меня жгла, не давала покоя. Я бы, конечно, мог рассказать о зарытых у стен старого сарая винтовках кому-нибудь из верных товарищей отца, но мне было стыдно признаться, что очутился я ночью на пустыре из-за зуба... Мне было стыдно, что я поверил какой-то старухе...

Но теперь, когда я понял, что винтовки, спрятанные отцом, необходимы рабочим для вооружённого восстания против помещиков и буржуев, я преодолел свой стыд и рассказал матросу всё...

5

Не было, наверно, никогда мальчугана за Нарвской заставой, с которым обращались так осторожно, как со мной.

В ту ночь меня вели на пустырь, словно я был стеклянный. За одну руку меня держал матрос, за другую — дядя Вася, командир заводского отряда

Красной гвардии, а ещё один командир освещал нам дорогу фонариком.

Я привёл их к сараю и показал место, где были зарыты ящики с винтовками. Потом приехал заводской грузовик с рабочими; они быстро откопали ямы, погрузили тяжёлые ящики в грузовик, и мы поехали на завод. Там роздали винтовки рабочим.

Отряд за отрядом уходил с заводского двора в темноту, один за другим уезжали грузовики, переполненные вооружёнными рабочими. Остался последний грузовик. На него погрузили ящик с патронами и пулемёт. На этом грузовике должны были ехать матрос и группа красногвардейцев.

Я не стал дожидаться особого приглашения. Я не очень был уверен, что матрос захочет меня взять с собой, и незаметно, в суматохе, прошмыгнул в грузовик и забился под брезент, которым был укрыт ящик с патронами.

— Полный вперёд! — услышал я голос матроса.

Через секунду машина так резко рванулась, что я, не успев ухватиться за ящик, полетел к борту. Если б меня не задержали чьи-то сильные руки, я бы, несомненно, вылетел из машины.

— А ты здесь для чего? — строго спросил матрос.

Но я ничего не ответил, я молчал. Машина мчалась по тёмной улице, на крыльях её с нацеленными вперёд винтовками лежали рабочие, свистел ветер, и мне казалось, что мы не едем, а летим.

— Придётся всё-таки тебя, браток, ссадить,— сказал через некоторое время матрос.

И тут я понял, что мне больше нельзя молчать.

— Как же можно меня здесь ссаживать! — держась за матроса, чтобы не вылететь, с волнением произнёс я.— Я с этого места дороги домой не найду, могу заблудиться...

— Так, так... А с какого же места ты дорогу знаешь?

— От Смольного знаю...

Все рассмеялись, а матрос громче всех.

— Ну и хитёр же ты, паренёк! Ладно, довезём тебя до Смольного.

6

Город был погружён в полную тьму, и только Смольный сиял огнями всех своих многочисленных окон. Он был как сказочный замок в эту туманную октябрьскую ночь.

На площадь, лежавшую перед Смольным, со всех сторон из тьмы вливались людские потоки. Отблески костров, яркие лучи прожекторов броневых автомобилей, многочисленные фары грузовиков скользили, переливались, вспыхивали, озаряя суровые, мужественные лица людей и белоснежные колонны Смольного.

— Запомни эту ночь, мальчик! — неожиданно дрогнувшим от волнения голосом произнёс матрос

Один за другим уезжали грузовики, переполненные вооружёнными рабочими.

и, крепко обняв меня за плечи, спрыгнул с грузовика на землю и скрылся в людском потоке.

— Дяденька! — крикнул я ему вслед и, не получив ответа, растерянно обратился к красногвардейцам, оставшимся в машине: — Куда же он? А как же мы...

— Он пошёл в штаб,— ответил один из рабочих,— пошёл к Ленину.

И я... я тоже видел его в эту ночь — видел Владимира Ильича Ленина. Он стоял вместе с матросами и солдатами на высоких ступеньках Смольного. На Неве уже грохотали залпы «Авроры», из Смольного шли на штурм вооружённые отряды — началась Великая Октябрьская социалистическая революция.

7

Я, к сожалению, лично сам не участвовал в решающем штурме Зимнего дворца, где засело последнее в России правительство помещиков и буржуев. Я хотел участвовать в штурме, но мне не разрешили. Матрос приказал мне не высовываться из подворотни, в которой разместился тыл нашего отряда. Но я помогал чем мог. Я приносил красногвардейцам воду, патроны.

Но зато на следующий день, в первый день рождения Советского государства, на первой октябрьской демонстрации я шагал рядом с матросом. Над нашими головами развевалось пробитое пулями

красногвардейское знамя нашего отряда. И когда перед самым входом на площадь Смольного наша колонна задержалась и командир другого отряда спросил матроса, показывая на меня: «А это что за мальчуган с вами?», то мой матрос ответил:

— Это сто́ящий мальчик... мальчик с Нарвской заставы.

П. Павленко

МАЛЬЧИК С ОСТОЖЕНКИ

Полковник Славин, тяжело раненный при взятии Берлина, приехал на поправку в Москву. Он был очень слаб и не вставал. Говорили, что ему придётся пролежать всё лето, до осени, и жалели полковника: у него не было ни родных, ни знакомых.

Несмотря на сложное ранение, он был самым нетребовательным больным. Просыпаясь, он оставался в том же положении, что и во сне, и лежал тихо, спокойно, изредка покашливая, до самого завтрака, потом до обеда, затем до ужина и засыпал так же незаметно, как просыпался.

Книг он не просил: чтение его утомляло. В разговорах соседей не принимал участия. Никогда не рассказывал он и о своей ране. Он знал, что она тяжела, и не обманывал себя.

Долгое бездействие и скука госпитальной жизни ослабили его. Решено было развлечь его чем-нибудь, и это поручили молоденькой медицинской сестре Зине Горбуновой.

Она всегда была такая весёлая, такая сияющая, такая жизнерадостная, что ей ничего не стоило расшевелить и полковника Славина.

И вот однажды она подсела к нему и спросила, не хочет ли он, чтобы она почитала ему.

— Нет, не стоит. Не тратьте на меня времени,— ответил он, улыбаясь одними губами.

— А может, патефон завести? — не сдавалась Зина.— У нас, знаете, очень хорошие пластинки. Вы что любите: арии, песни или просто музыку?

— Шумно. Не надо,— морщась, ответил полковник.

— А то, может, напишете кому-нибудь письмо? Вы не стесняйтесь, товарищ полковник, я напишу под вашу диктовку. У меня почерк разборчивый.

— Некому, милая Зиночка.

— Вы сами откуда? — теряя надежду на успех, спросила Зина.

— Москвич.

— Так слушайте, что же вы! — Она вскочила и едва не хлопнула полковника по раненому плечу.— У вас же, наверно, куча знакомых! Ну, говорите, кому позвонить, чтобы пришли в гости.

— Не знаю,— грустно ответил больной.— Не знаю, Зиночка. Своих знакомых я так давно не видел, что и они забыли меня, и я их не помню.

— Да вы только скажите, где их искать, я уж узнаю, помнят или нет.

И такая она была настойчивая, что полковник Славин согласился, чтобы она кое-кого поискала.

— Но это трудно,— сказал он,— это будет очень трудно.

— Фу! Подумаешь! Я люблю трудное! — Зина так лихо взмахнула рукой, словно ей действительно ничего так не хотелось, как делать одни трудные дела.— Говорите, где искать-то?

Но тут полковник удивил её так, как до сих пор никто не удивлял в жизни. Он сказал:

— Пойдите на Остоженку, в Коробейников переулок, и расспросите у стариков, не помнят ли

они мальчика с Остоженки. В семнадцатом году, в октябре, мол, конопатый парнишка дрался у них тут с юнкерами.

Зина до того удивилась, что даже растерялась до слёз.

— Кого же я буду спрашивать?.. Так вот просто идти по улице и спрашивать? Вы мне хоть какой-нибудь след дайте.

— Следа нет. Это было давно, двадцать восемь лет тому назад. С тех пор я редко бывал в Москве.

— Ох, это трудно! — покачала головой Зина.— Я ещё тогда даже не родилась, представьте себе. Я совершенно не знаю, о чём расспрашивать.

— Трудно,— согласился полковник.— Почти неисполнимо. Да и не к чему. Просто вспомнил я от безделья те времена, и мне вдруг ужасно захотелось повидать, с кем я бок о бок сражался тогда. Но я забыл...

— Что забыли?

— Что прошло, Зина, много-много лет и что все они изменились, перезабыли многое, умерли, что во мне теперь никто и не узнает мальчика с Остоженки, да и я сам никого из них не узнаю...

— Видите ли, надо начинать всё сначала,— вздохнула Зина.— Надо начинать с этого мальчика. Кто он и что он, чем занимался, какая его биография...

— Никакой биографии у него тогда ещё не было, дорогая моя. Мальчик служил у сапожника,

в Коробейниковом переулке... Деревянный домик по левой руке, если идти от Остоженки, красные латаные ворота, грязный двор с одним деревом посредине...

Зина стала быстро записывать приметы.

— Мальчика только что, месяца за два, привезли из деревни,— продолжал полковник.— Отца убили на германском фронте, мать погибла в тифу. Сапожник... Ах, ну как же его фамилия? Трифонов, Топорков, Трофимов... Нет! Чёрт знает, забыл!.. Хороший мужик!.. Лет пятьдесят — пятьдесят пять ему было...

— Вы лучше о мальчике говорите,— сказала Зина.— Сапожника-то я всё равно не смогу узнать, ему сейчас, если он жив, больше семидесяти.

— У мальчика примет не было, имени его тоже никто не знал.

— Ну вот видите...

— Но в те дни, Зина, мы все как бы сразу родились на глазах друг у друга и то, что запомнили тогда, никогда больше не забывали. Октябрьские бои за Москву уже начались, а у нас на Остоженке пока ещё было тихо. Вдруг на рассвете...

— Какого числа? — перебила Зина.

— Гм... Числа двадцать седьмого — двадцать восьмого октября... Вдруг на рассвете слышим — замоскворецкие красногвардейцы пробиваются к нам через Крымский мост, захватили Крымскую площадь и с боем продвигаются по нашей Остоженке, к храму Христа Спасителя. Хозяин велел мне одеться, говорит: «Ну, Алёшка, революция до

самого нашего переулка дошла, пошли помогать».

Вышли мы — стрельба, суета, крики. Белые бьют по Остоженке из пулемётов, стреляют из форточек и чердаков, из подвальных окон. Где свои, где чужие — не разберёшь. Смотрим, роют наши окопы как раз у Коробейникова переулка, а в чайнушке на углу — красногвардейский штаб. Мы к ним: дайте, мол, винтовки, пойдём в окопы. «Винтовок, говорят, нам самим не хватает, а вы лучше разведку тут нам организуйте». Хозяин мне говорит: «Беги домой, возьми две пары сапог, заверни в узелок, неси будто бы заказчикам на Зачатьевский».

Бегу я с сапогами от подъезда к подъезду, пули визжат, штукатурка с домов сыплется, стёкла то и дело звенят. Подбегаю к Зачатьевскому монастырю — останавливают меня юнкера: «Куда? Кто такой?» Говорю: «Я сапожный ученик, хозяин послал заказы по домам разнести».— «Ну, беги!» Завернул я в переулок, разглядываю, что у них тут имеется: на колокольне монастыря пулемёт, на улице два и вообще народу довольно много и, видно, наступать на наших собираются. «Надо, думаю, сейчас же к своим возвращаться». А что с сапогами делать — не соображу. Забежал в какой-то двор, бросил свёрток за ворота — и назад.

Слышу — зовут меня. Как раз на самом углу офицер стоял, подзывает к себе: «Кто такой? Откуда?»

Опять объясняю, что хозяин послал сапоги за-

казчикам отнести. Я отнёс, а теперь домой возвращаюсь, на Коробейников. «А много там красных?» — спрашивает офицер. «Много»,— говорю.

Верчусь я перед офицером, не знаю, как быть, и вижу: из того двора, куда я бросил свёрток, выходит юнкер и держит в руках мои две пары сапог. Ну, пропал! И, не раздумывая, согнулся я да и вылетел под пулемёты на Остоженку. Пробежав шагов двадцать, отяжелел что-то, вспомнил, что тут дом с длинным двором есть, юркнул в этот двор, перелез через два забора и вышел опять на Остоженку, уже перед самым Коробейниковым.

Еле иду. Это, думаю, от волнения, первый же раз я под пулями, непривычно да и страшновато, конечно.

Рассказал, что видел, и чувствую — сознание теряю.

Осмотрели меня; оказывается, мякоть левой ноги пробита. Перевязали, положили в чайной, и командир отряда Пётр Добрынин...

— Что-то знакомая фамилия,— сказала Зина.

— Ещё бы! По Добрынинской площади, наверно, не раз ездили, вот и запомнили.

— Ах да-а! — смущаясь, сказала Зина.

— Добрынин поблагодарил меня за разведку и говорит: «Сделай одолжение, выполни ещё одно дело. Тебя сейчас возьмут на одеяло и понесут по Лёвшинскому переулку, вот эта женщина и эта,— показывает на двух молодых, вот как вы, Зина, девушек.— Эта, Наталья Карповна, будет вроде твоя мать, а та, Ефросинья Николаевна, просто знакомая».— «Да какая же,— говорю я ему,— она будет мне мать, когда ей и двадцати-то лет нету».— «Ах, верно,— говорит Добрынин.— Ну, тогда сестра, значит. А фамилия ваша — Чернышёвы. И живёте вы там-то и там-то. Запомнишь?»

Вот мы и двинулись. Белые ругались, но пропускали, а из Лёвшинского ни вперёд, ни назад не выберемся. Между тем сведения добыли мы замечательные.

Я говорю девушкам: «Бросьте меня, идите сами, да порознь. Скажите, что вы на работу пробиваетесь, на Крымскую площадь,— там женщин записывали мешки для муки сшивать». Они пошли, а я на руках ползу к Пречистенке. Из ворот люди спрашивают меня — кто да откуда. Говорю — отца вышел разыскивать, да вот ранили, не знаю, как и домой добраться. Жалели меня все. Выполз я на Пречистенку, высмотрел что мог и только собрался переулочками свернуть к Остоженке — меня подхватили какие-то сердобольные люди, положили на телегу и повезли в госпиталь к Никитским воротам.

Я кричу им: «Пустите!» — а они хоть бы что. А на Пречистенке бои ещё сильнее, чем у нас.

Вот мы и двинулись. Белые ругались, но пропускали...

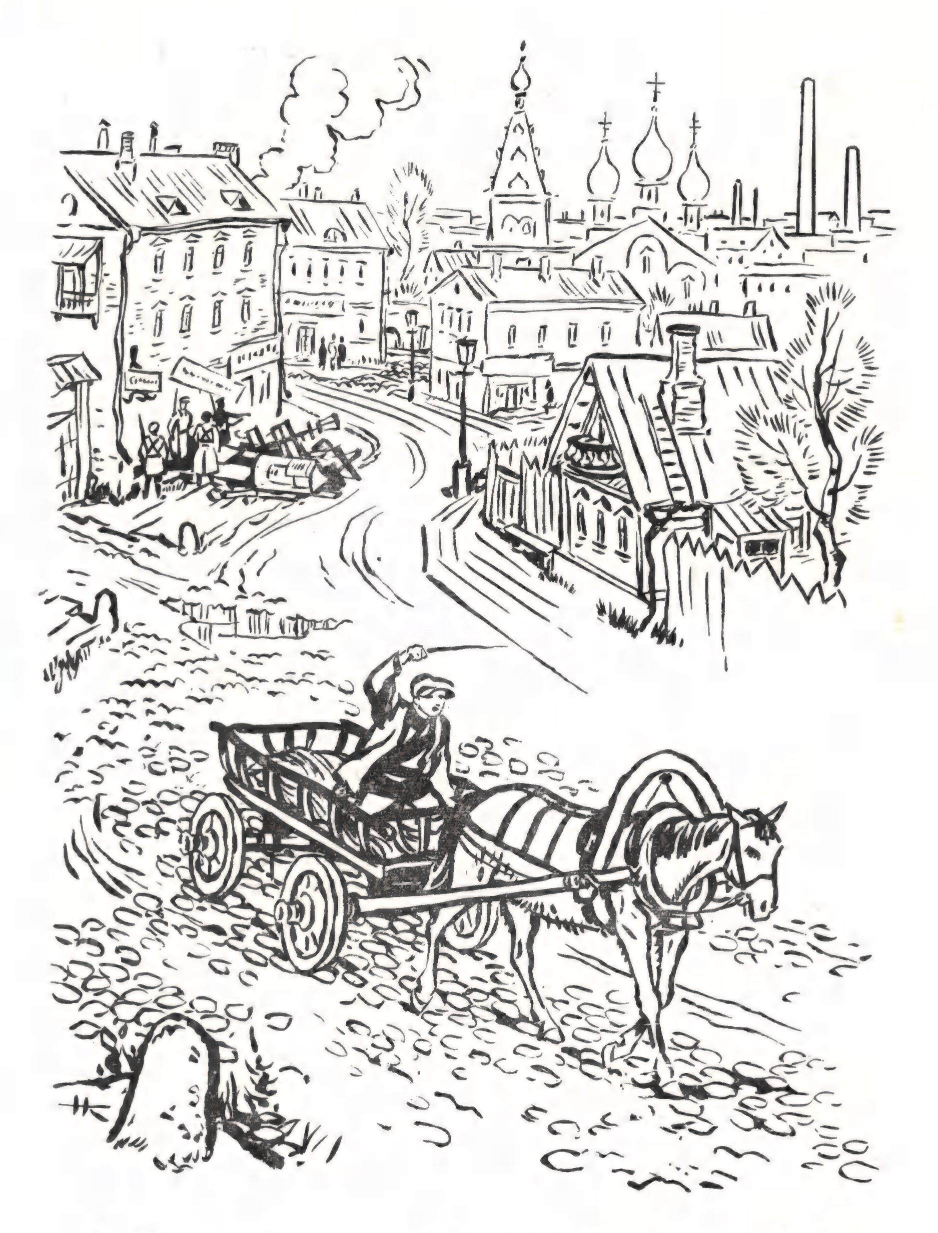
Вы помните, Зина, где стоит памятник Тимирязеву? Так вот на том месте был большой дом; он горел сверху донизу, близко нельзя было подойти, и это меня спасло — не довезли.

— Чем же спасло, если не довезли? — недоумевая, спросила Зина.

— А вот слушайте! Я ведь не один был в Москве такой храбрый мальчуган. Таких, как я, маленьких красногвардейцев, были десятки, а может, сотни. И несколько из них лежало как раз в этом госпитале у Никитских ворот. Захватив госпиталь, юнкера выбросили ребят с третьего этажа на улицу... Ну, вот мне и повезло, до госпиталя меня не довезли, но я увидел здесь кое-кого из красных, рассказал им, что творится на Остоженке, и получил важнейшие новости для Добрынина. Всё дело было теперь в том, чтобы скорее добраться до дому. Но как?

Решил я пробираться через Арбат на телеге. Возчик убежал, конь всё равно без присмотра. Еду и думаю: «Ну вот, сейчас обязательно убьют». Нет, ничего, как-то удачно вышло. Иногда кричат мне: «Эй, куда?» — «За убитыми!» — отвечаю. «Кто послал?» — «Полковник Мартынов». Ну, и никто, конечно, не проверял, кто такой Мартынов и куда он меня послал. От Никитских ворот до Остоженки ехал я целый день. Только к вечеру благополучно добрался в чайнушку, к Добрынину.

На второй день отряд Добрынина взял Зачатьевский монастырь, и я из чайнушки тоже за ними

От Никитских ворот до Остоженки ехал я целый день.

перебрался. Но белые не ослабевали. Бой шёл круглые сутки. Наших полегло тогда очень много. И Добрынина в руку ранило. По-видимому, из окна. Стали мы производить обыски во всех домах — нет ли там переодетых офицеров и юнкеров,— и я тоже опрашивал подозрительных. Станет такой говорить, что он здешний, а я ему сейчас же вопрос: а какой номер трамвая тут ходит? Он не знает. Ну, сразу и видно, что соврал. К вечеру второго дня захватили наши одного парня, студентом назвался. Рассказывает он про белых, что они, дескать, все отступили к Волхонке и тут у них всего человек двадцать, так что легко их выбить открытой атакой. Гляжу на парня — что-то в нём знакомое, а не пойму что. Наконец сообразил — сапоги! На нём те самые сапоги, что я бросил во дворе на Зачатьевском. Пригляделся — да это ж тот самый юнкер, что подобрал тогда мой свёрток. Ну и поймал его. Он сначала так и сяк, а потом признался, что юнкер и остался для разведки. «Наших, говорит, много кругом переодетых. Вот вы увидите, что ночью будет». Наши не поверили ему. «Это он нас пугает»,— говорят. Но только стемнело — как они и начали с крыш, с чердаков, из форточек, из подвалов. И этой ночью пулей в живот был убит Добрынин.

А я той же ночью понял, что нашёл на Остоженке своё подлинное призвание. И я повоевал-таки,— с удовольствием сказал полковник.— Я уж повоевал! И вот, знаете, Зина, каждый раз, когда я уже взрослым человеком шёл в бой, мне представля-

лось, что я всё ещё мальчик с Остоженки, и что мне только двенадцать лет, и жизнь моя вся впереди...

Зина встала.

— Я пойду,— сказала она,— и переверну вверх ногами всю вашу Остоженку, но обязательно кого-нибудь найду из ваших знакомых.

СОДЕРЖАНИЕ

М. Большинцов
Мальчик с Нарвской заставы . 3
П. Павленко
Мальчик с Остоженки . . . 18

ДОРОГИЕ РЕБЯТА!

Отзывы об этой книге
издательство просит присылать по адресу:
125047, Москва, ул. Горького, 43.
Дом детской книги.

Для младшего школьного возраста

ЮНЫЕ БОЙЦЫ РЕВОЛЮЦИИ

ИБ № 6840

Ответственный редактор *С. П. Мосейчук.* Художественный редактор *И. Г. Найдёнова.* Технический редактор *Г. Г. Рыжкова.* Корректор *Э. Н. Сизова.* Сдано в набор 22.04.82. Подписано к печати 06.04.83. Формат 60×84 1/16. Бум. типогр. № 1. Шрифт школьный. Печать высокая. Усл. печ. л. 1,86. Усл. кр.-отт. 2,33. Уч.-изд. л. 1,17. Тираж 300 000 экз. Заказ № 832. Цена 5 коп.
Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Сущевский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот»

5 коп.

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
в 1983 году в серии

«Маленькая историческая библиотека»

выйдут следующие книги:

Кржижановский Г. М.

ШУ-ШУ.

Воспоминания Глеба Максимилиановича Кржижановского, выдающегося деятеля революции, верного друга Владимира Ильича Ленина.

Ян В. Н.

НИКИТА И МИКИТКА.

Исторический рассказ о Москве времён Ивана Грозного (XVI в.), о том, как учились боярские и крестьянские дети, о крепостном мальчике Микитке — ученике талантливого русского первопечатника Ивана Фёдорова (ок. 1510—1583).